

Максим Антонович

Суемудрие «Дня»

Максим Антонович
Суемудрие «Дня»

«Public Domain»

1861

Антонович М. А.

Суемудрие «Дня» / М. А. Антонович — «Public Domain», 1861

ISBN 978-5-457-13672-4

«Люди, желающие иметь обо всех окружающих их предметах точное и определенное понятие, желают иметь такое понятие и о славянофильском „Дне“, и потому спрашивают: „Что такое „День“? Есть ли это газета с основательными или, по крайней мере, с определенными систематическими убеждениями, или просто склад неясных и неопределенных представлений, неосмысленных патриотических выходов и восточно-русского самохвальства, разведение водою посмертного наследства Киреевских, Хомякова и К. Аксакова?“...»

ISBN 978-5-457-13672-4

© Антонович М. А., 1861

© Public Domain, 1861

Максим Алексеевич Антонович Суемудрие «Дня»

Люди, желающие иметь обо всех окружающих их предметах точное и определенное понятие, желают иметь такое понятие и о славянофильском «Дне», и потому спрашивают: «Что такое „День“? Есть ли это газета с основательными или, по крайней мере, с определенными систематическими убеждениями, или просто склад неясных и неопределенных представлений, неосмысленных патриотических выходок и восточно-русского самохвальства, разведение водою посмертного наследства Киреевских, Хомякова и К. Аксакова?» Такие вопросы кажутся странными людям, составившим себе ясные и твердые понятия о «Дне», и тем более странными, что они предлагаются уже после того, как г. Чернышевский несколько лет тому назад доказал в «Современнике», что «День» служит лучшим и неподдельным выражением «народной бестолковости». Но эти вопросы и недоумения, выражающиеся в них, при своей странности понятны и извинительны. В последнее время «День» как будто изменился, стал браковать сильнее прежнего и чаще повторять мнимо красные выходки и подложно радикальные возгласы, которые одних привели в легкий ужас и некоторое смущение, так что они даже прозвали редактора «Дня» русским Мирабо, а других расположили к снисходительности и примирительному расположению к «Дню», или, по крайней мере, вызвали раздумье, обнаружившееся вышеприведенными вопросами, с присовокуплением еще следующих: что такое эти возгласы «Дня»? выражается ли в них серьезное, продуманное, систематическое и потому плодотворное недовольство настоящим и такое же желание лучшего будущего, или же они просто, хоть и шумные, но невинные фразы, сильно хлопающие, но никого не поражающие и не поучающие, выражающие не столько серьезное, из убеждения вытекающее чувство, сколько легкую, поверхностную прихотливость, недовольную только верхушками и мелочами, но вполне неразборчивую и довольную относительно корня и сущности; или же в этих возгласах обнаруживается желание просто порисоваться, побудировать и поворчать для красоты речи и для удовлетворения какому-то суетному и хвастливому зуду?

В видах разрешения этих вопросов и устранения этих затруднений, мы и решаемся рассмотреть новейшие произведения «Дня», т. е. собственно его передовые статьи; потому что все остальное в «Дне» составляет только случайную обстановку или мебель передовых статей.

У всех славянофилов, так же как и у «Дня», нет точки опоры в голове; все они весьма слабы в мыслительном отношении, и в своих суждениях руководствуются больше чувствительностью или, точнее, сентиментальностью. Главный их принцип составляет поэтическое пристрастие к почтенной старине, к седой древности, которая кажется им лучше настоящего. Такое пристрастие к древности есть общее качество слабомысленных и сентиментальных людей, неразвитых и мало цивилизованных обществ и первобытных периодов в истории развития человечества. В ранние периоды истории повсюду существовали мечты о золотом веке, о первобытном невинном и счастливом состоянии, в котором некогда находился человек и которое потом изменилось к худшему. Затем всегда бывали школы и направления, пристрастные к старине и нерасположенные к современности, смотревшие с большою любовью назад, чем вперед. В новой истории классицизм обожал и стремился воскресить классическую греко-римскую древность; явившийся на смену классицизма романтизм был привязан и пристрастен к средним векам, которые он ставил выше XIX века во всех отношениях. Вообще в старине есть стороны привлекательные для наивных людей, которым она и нравится именно наивностью, патриархальностью и простотою; тех же недостатков, которые скрываются в изобилии за этими поэтическими качествами, они умышленно или

неумышленно не замечают. – К этому разряду людей принадлежат и славянофилы; и они тоже пристрастились к старине. Из новейших немецких философов они любят, например, только Шеллинга и именно за то, что он искал откровения высоких истин в древнейших первобытных мифах, сказаниях, преданиях и баснях. Хомяков тоже отыскивал истины в этом же источнике и вообще находил высшее развитие и движение идей в I–IX веках, чем в X–XIX; по его понятиям все умственное движение, начавшееся после появления протестантизма и продолжавшееся до настоящего времени, привело только к умственному растлению и бессилию. – Так как славянофилам ближе всего была русская старина, которая на каждом шагу бросается им в глаза в Москве, то они и обратили свое пристрастие преимущественно на русскую старину.

Но, вероятно, и сами славянофилы понимали, что неловко и неблагопристойно проповедывать прямо возвращение к старине и ставить принципом своих воззрений историческую древность, и потому они свое пристрастие к старине старались скрасить народностью и утверждали, будто бы главный принцип их есть народность, – чему многие и поверили. Однако на самом деле главным пунктом в учении славянофилов была не народность, а именно старина или старинность, древность. Под народностью они понимают не современную народность, осязательно существующую как данный факт, а народность археологическую, некогда в старину существовавшую, а теперь испорченную и погибшую, которую поэтому нужно реставрировать по старым образцам; по их понятиям, – не люди, живущие теперь, с своими свойствами и качествами и со всем своим моральным достоянием составляют народность, а люди, жившие в старину, которым должны уподобляться нынешние люди, если они хотят быть народными; у них нет в мыслях народности в разумном значении этого слова, а есть фантастическая недействительная народность; идею народности они совершенно подчиняют идее стародавности. Поэтому они не славянофилы, а староверы, отрицающие и не признающие народным все, чего не было в старину, и особенно все, что случилось после Петра I, подобно тому как церковные староверы отвергают и признают нечестивым все, что случилось после Никона. По убеждениям славянофилов то, что существовало в старину, должно нерушимо храниться во веки веков, потому что только старинное и народно; Россия теперь уже не народна, потому что была народною только древняя Русь. Что есть у нас отличного от древней Руси, то должно быть уничтожено, и мы во всем должны сравняться с нею. Вот несколько изречений славянофилов для подтверждения высказанных нами замечаний.

«Противоречие основных начал двух спорящих между собою образованностей (т. е. одной чисто русской и другой, сложившейся под влиянием Запада) есть главнейшая, если не единственная причина всех зол и недостатков, которые могут быть замечены в русской земле. Потому примирение обеих образованностей возможно в таком мышлении, которого основание заключало бы в себе самый корень древнерусской образованности, а развитие состояло бы в сознании всей образованности западной и в подчинении ее выводов господствующему духу православно-христианского любомудрия» (Киреевский). – «Мы должны подвергать науку своей собственной критике, просвещенной теми высшими началами, которые нам исстари завещаны православием наших предков». – «Восстановление наших умственных сил зависит вполне от живого соединения с стародавнею и все-таки нам современною русскою жизнью, и это соединение возможно только посредством искренней любви и общения (?)». – «Русская земля предлагает своим чадам, чтобы пребывать в истине, средство простое и легкое неиспорченному сердцу: полюбить ее, ее прошлую жизнь и ее истинную» (Хомяков). – «Образованная часть России пошла по пути Запада... Но надо воротиться к началам родной земли, надо возвратить (т. е. реставрировать) самый образ жизни, во всех его подробностях, на началах этих оснований, и, следовательно, надо совершенно

освободиться от Запада и т. д. и т. д., надо быть русскими, надо быть необходимо вместе с тем верующими и смиренными» (К. Аксаков).

Как видно из этого, для славянофилов вся суть заключается в старине, а не в народности; им желалось бы все ныне существующее привести в тот вид, какой имела древняя Русь, и тысячелетнего детину превратить в младенца, т. е. перевернуть вверх дном историю. К. Аксаков изображал русскую старину в таком розовом и привлекательном свете, что она выходила у него совершенно идеальной, и современной России не оставалось ничего более, как превратиться в старую до-петровскую Русь. – Кроме русской старины, славянофилы, особенно Хомяков, сильно превозносили еще старину византийскую и не за какие-нибудь ее действительные и существенные качества, а за тот случайный факт, что древняя Русь, заимствовав из Византии свое православие, которое славянофилы тоже глубоко уважают единственно за то, что оно древне, существует издавна и несколько тысячелетий сохраняется без изменений и без движения. То время, когда Византия, по общему и совершенно справедливому представлению, гнила и продуктами своего разложения заражала все соприкасавшееся с нею, Хомяков считает блестящим и плодотворнейшим периодом в истории; схоластические споры того времени кажутся ему выражением высшей мудрости и истинною философией. По его словам, «защитники икон защищали в них право человеческой свободы (?); они победили, и их победа спасла веру в живую мысль». Совершенно нельзя разобрать, что хотел Хомяков сказать этими словами; вероятно, он и сам не понимал, как эта победа защитников икон поддержала веру в живую мысль.

Как сильно у славянофилов пристрастие к старине русской и византийской, так же ожесточенна их вражда к Западу, имеющая чисто фанатический характер, потому что она возбуждается религиозными интересами. Славянофилы ненавидят Запад потому, почему древняя Русь ненавидела и считала нехристями, басурманами всех неправославных, именно потому, что Запад придерживается католичества и протестантства. В своих сочинениях, желая уязвить Запад, славянофилы ничего не могут сказать, кроме того, что он неправославен, исповедует неправую веру. Запад гниет, потому что он отделился от православия; Запад обезумел, потому что он обратился к неправой вере; западная философия пала, потому что она основана на протестантстве, выродившемся из католичества; – эти мысли составляют постоянный мотив в славянофильских сочинениях. «Жаль, очень жаль, – говорил Киреевский, – что западное безумие стеснило теперь и нашу мысль, именно теперь, когда, кажется, настоящая пора для России сказать свое слово в философии, показать им, еретикам, что истина науки только в истине православия». – «Западная Европа, – говорил Хомяков, – развивалась не под влиянием христианства, но под влиянием латинства, односторонне понятого христианства». – «Односторонность латинства вызвала противодействие, и наступил период протестантства, тоже одностороннего». – «Гегель пал, и – нет более философии на Западе. Гегелизм в своем падении показал всю глубину духовной бездны, над которой уже давно, сама того не замечая, стояла философствующая Германия». – «Англия еще крепка; не верится, чтобы она могла погибнуть; а гибель неизбежна, разве примет она новое духовное начало (т. е. православие), которое притупило бы острие протестантского топора (?); но будет ли это?» – «Очевидно, – говорит тот же Хомяков, – то основание, на котором воздвигнется прочное здание русского просвещения, – это вера, вера православная, которой, слава богу, и по особенному чувству правды (?) никто еще не называл религией (ибо религия может соединять людей, но только вера связует людей не только друг с другом, но еще и с ангелами и с самим творцом людей и ангелов), – вера, со всею ее животворною и строительною силою, мысленною свободою и терпеливою любовью». – «Материализм, – говорил г. Юрий Самарин, – призван покончить со всеми попытками – на чем-нибудь утвердить идею нравственности вне православия, разумея под этим словом не одну доктрину, но церковь, как живой организм».

Все свои воззрения, так же как всю историю и жизнь, славянофилы строят на религиозном или, лучше сказать, на конфессиональном основании, на долговременной давности известного вероисповедания. О Западе, его истории, умственном и общественном его развитии они судят с религиозной точки зрения, занимаются только западными вероисповеданиями и не замечают других более обширных и существенных сторон западной жизни потому, конечно, что они или вовсе не знают, или не понимают их. В самом деле, выводить всю историю и все умственные движения на Западе, совершавшиеся в XVIII и в настоящем веке, из религиозных оснований, из католичества и протестантства – значит обнаруживать крайнее невежество в истории, или же слепой фанатизм, взваливающий все дурное по его понятию на еретические вероисповедания. Славянофилы твердо знают о Западе только то, что он еретик, католик или протестант; а о других сторонах его знают так же мало, как мало знала о них древняя Русь, и потому, совершенно в духе древней Руси, обо всем Западе заключают по его вероисповеданиям; если Запад еретичен, то может ли быть у него что-либо хорошее? может ли жить его философия, когда она не основана на правой вере? может ли существовать Англия, если она не очистится от ереси, не раскается и не оживится правою верою? Судьба всех еретиков и раскольников известна: им грозит временная и вечная погибель. Такую же участь пророчат славянофилы и всему Западу, отщепенцу от правой древней веры. – Ослепленные конфессиональным фанатизмом, славянофилы сузили свой умственный кругозор, притупили свое зрение и не замечают тех светлых элементов на Западе, в которых выражается ход и развитие истории, которые составляют прогресс человечества, тех приобретений ума и улучшений жизни, которыми в праве гордиться западный человек.

Любопытным примером того, как перед величием Запада не могла устоять даже славянофильская тупость, как свет Запада мог просветить даже славянофильскую тьму, служит И. Киреевский, один из первых, если не самый первый, основателей настоящего славянофильства. Все основные воззрения и даже фразы, которыми пробавлялись и доселе пробавляются славянофилы, в первый раз высказаны были И. Киреевским; неизвестно только, сам ли он собственным умом дошел до них, или же заимствовал у своего брата, П. Киреевского. С самой ранней юности И. Киреевский был сильно пропитан славянофильством и по собственному сознанию поставил для себя такую задачу: «я буду иметь вес в литературе и дам ей свое направление. Все те, которые совпадают со мною в образе мыслей, будут моими сообщниками. Мы возвратим права истинной религии, изящное согласим с нравственностью, возбудим любовь к правде, глупый либерализм заменим уважением законов, и чистоту жизни возвысим над чистотою слога». Такая задача занимала Киреевского в 20-х годах, и в объяснение ее нужно сказать, что в то время везде в Европе, так же как и у нас, господствовала реакция против французского вольнодумства и безбожия, т. е. вообще против умственного и политического движения, охватившего Францию и всю Европу в конце XVIII века. Французская революция поколебала прежние основания власти и создала новый взгляд на общественные права, поколебала религию, уничтожила церковные религиозные предания, ханжество, иезуитизм и т. д., одним словом, как выражались реакционеры, разрушила алтари и троны, убила уважение к религии и законам. Поэтому реакция, вошедшая в полную силу после 1815 г., т. е. после победы всей Европы над Францией, считала своею обязанностью и задачей восстанавливать прежние основания власти и прежние ограниченные общественные права, реставрировать старую веру со всеми ее атрибутами, с ханжеством, бездушною внешностью и иезуитизмом, или, как она выражалась, восстанавливать алтари и троны, уничтожать глупый либерализм и возбуждать уважение к религии и к закону. Очень естественно, что такое реакционное движение охватило и Киреевского, и он с юношеским жаром готовился к реакционной задаче. Чтобы изучить глупый либерализм и безбожие на самом месте их происхождения, он отправился путешествовать за границу. Как он ни был предубежден против Запада, против движений XVIII века, против либералов и безбожников, однако, уви-

давши Запад вблизи, он уже не мог оставаться при своих прежних убеждениях; увидавши западную жизнь, он понял сущность движения, против которого восставала реакция, увидал, какие деспотические и омрачающие идеи она отстаивала под именем алтарей и тронов, религии и законов, и вследствие этого ему стало ясно, против чего направлялись движения прошлого века, стало ясно и то, как они были благодетельны и законны и как нужно ценить европейское просвещение, породившее их. Вследствие этого он отступился от прежней своей реакционной задачи и вместо нее принял другую задачу – пересадить на русскую почву европейское просвещение и именно просвещение XVIII века. Отправившись в Европу славянофилом, И. Киреевский возвратился из нее западником, европейцем, и начал издавать журнал «Европеец» с направлением, радикально противоположным славянофильству, просто называл «сумасшествием» славянофильское возвращение «к старому русскому» и вообще все славянофильство. Он не обращал внимания на то, что Запад еретичен, и называл его учителем и образцом для России, которая стала просвещаться только со времени своего сближения с Западом, начавшегося реформой Петра. В статье под заглавием «XIX век» Киреевский довольно подробно развил свой взгляд на отношения России к Европе. По его понятиям, европейское просвещение разделяется на два периода: старое просвещение, существовавшее до половины XVIII века и разрушенное в это время, и новое, начавшееся умственными и политическими движениями во второй половине этого века. России, по его понятию, нет надобности переживать старую жизнь Запада и усваивать его старое просвещение; она может начать свое учение и подражание Западу прямо со второй половины XVIII века, она должна усвоить себе новое европейское просвещение и новую жизнь, развившуюся с этого времени. «Новое просвещение, – говорит он, – противоположно старому и существует самобытно. Потому народ, начинающий образовываться, может заимствовать его прямо и водворить у себя без предыдущего, непосредственно применяя его к своему настоящему быту. Вот почему и в России, и в Америке просвещение начало приметно распространяться не прежде восемнадцатого и особенно в девятнадцатом веке». – За эту статью «Европеец» был запрещен, так как запретившим показалось, будто Киреевский под именем «нового просвещения» Европы разумеет и рекомендует России революцию. Но Киреевский не удержался на новой точке зрения. Через жену свою, как рассказывает г. Кошелев, Киреевский «познакомился с схимником Новоспасского монастыря, отцом Филаретом, и когда впоследствии короче узнал его, стал глубоко ценить и уважать его беседы. Конечно, это короткое знакомство и беседы схимника не остались без влияния на его образ мыслей и содействовали утверждению его в том новом направлении, которым были проникнуты его позднейшие статьи (т. е. в славянофильстве)». Подле имения Киреевского находилась Козельская Оптиная пустынь. – «Сюда, – тоже рассказывает г. Кошелев, – уезжал Киреевский и проводил здесь целые недели, духовно уважая многих старцев святой обители и особенно отца Макария, беседы которого он высоко ценил. Здесь же он занимался приготовлением к изданию разных душеспасительных сочинений, переводимых в обители монашествующими братьями». Таким образом отцы Филарет и Макарий отвратили Киреевского от западничества, и снова обратили в славянофильство, и наложили свою печать на его убеждения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.